Развитие семантики цветообозначений *үрүҥ* и *манан* в якутском языке как свидетельство языковых контактов

Е. Н. Афанасьева

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию развития семантики обозначений белого цвета *үрүҥ* и *манан* в якутском языке по данным словарей и текста эпоса – олонхо. Новизной данной работы является сопоставительный анализ якутских цветообозначений с материалом южносибирских и тунгусо-маньчжурских языков, а также определение их связей. Слова имеют разное происхождение и природу, так как отражают разные стадии развития языка и его исторические связи. Имя *үрүҥ* восходит к древневосточным тюркским языкам и имеет сакральную природу, связанную с ранними верованиями. Лексема обладает фиксированной дистрибуцией и сохраняет устойчивость семантической структуры. Как и в древнетюркском языке, имя прилагательное субстантивизируется. Имя *үрүҥ* обладает большим слово- и фразеобразовательным потенциалом, является компонентом сложных слов, парных слов и фразеологизмов. В тексте эпоса оно выполняет функцию постоянного эпитета к слову *күн* ‘солнце’. Имя *манан* относится к инновациям, заимствованным из монгольского языка в связи с коневодческой культурой. Из монгольского языка в якутский вошли не только имя прилагательное, но и однокорневой глагол. При этом обнаруживается совпадение планов выражения и содержания слов. В развитии прилагательного наблюдается незначительное преобразование; в результате семантического сдвига произошла замена актуального значения. Лексема *манан* расширила область употребления, выполняя в некоторых случаях функцию имени *үрүҥ*. В сочетании с другими именами прилагательными и существительными она образует сложные колоративы, передающие различные оттенки белого цвета, его насыщенность и яркость. В развитии семантики якутского имени прилагательного и глагола прослеживается влияние значения монгольского глагола. В сочетании со словами, обозначающими особенности ландшафта, имя *манан* реализует признак ‘широкий, просторный (о полях, лугах)’, ‘открытый, благословенный (о дороге и небе)’. В тексте, как и в монгольском языке, является постоянным эпитетом слова *халлаан* ‘небо’. Синоним *чабаан*, также заимствованный из монгольского языка, употребляется намного реже. Так как имя *манан* имеет параллели в хакасском, тувинском, маньчжурском и эвенкийском языках, в системе цветообозначений оно может представлять собой один из общих элементов сибирских языков.

Ключевые слова

якутский язык, цветообозначение, белый цвет, семантика, лексическое значение, сибирские тюркские языки

Для цитирования

Афанасьева Е. Н. Развитие семантики цветообозначений *үрүҥ* и *манан* в якутском языке как свидетельство языковых контактов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 45–56. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-45-56

Development of Semantics of Colour Terms *үрүҥ* and *манан* in the Yakut Language as Evidence of Language Contacts

Evdokia N. Afanaseva

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the semantics of the terms *үрүҥ* and *манан* denoting white colour in the Yakut language. The aim of the article is to study the development of the words. The research material is based on lexicographical sources

and the text of the epic poem – Olonkho. The novelty of this work is the comparative analysis of the Yakut colour terms with the South Siberian and Manchu-Tungus languages and establishment of their relationships. Two words having different origin and nature reflect different stages of language development and its historical connections. The term *ȳrȳŋ* dates back to ancient Eastern Turkic languages and has a sacred nature associated with early beliefs. The lexeme has a fixed distribution and retains the semantic structure. The adjective *ȳrȳŋ* has a great word-formation and phraseological potential; it is a component of complex words, pair-words and phraseological units. As in the Old Turkic language, the word performs the function of a noun. In the text, it acts as a permanent epithet to the word *kȳn* ‘sun’. Compared to the word *ȳrȳŋ* the term *maŋan* is an innovation, borrowed from the Mongolian language in connection with horse-breeding culture. Another loanword *chavān* is rarely used. Not only the adjective, but also the verb *manxaix* was borrowed from Mongolian into Yakut. In the adjective there was a semantic shift; in the Yakut language the meaning ‘white’ is updated, and the meaning ‘with an asterisk on the forehead’ fades into the background. In combination with other adjectives and nouns, the word *maŋan* forms compound color names that express different shades of white, as well as its saturation and brightness. The word *maŋan* has considerably expanded the area of use, replacing in some cases the function of the adjective *ȳrȳŋ*. In the epic text, the word serves as a permanent epithet of the word *xallaan* ‘heaven’. The word *maŋan* connects the Yakut language not only with the Mongolian and Manchu-Tungus languages, but also with the South Siberian languages, Khakass and Tuvan. In the system of colour terms, the word *maŋan* can be one of the common elements of the Siberian languages.

Keywords

Yakut language, colour term, white colour, semantics, lexical meaning, Siberian Turkic languages

For citation

Afanaseva, Evdokia N. Development of Semantics of Colour Terms *ȳrȳŋ* and *maŋan* in the Yakut Language as Evidence of Language Contacts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 45–56. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-45-56

Введение

Традиция изучения цветообозначений в лингвистике была заложена в связи с развитием психологизма. Чешский лингвист В. И. Шерцль связывал различие в способах означивания цветов у разных народов с их перцептивными особенностями [1884]. Анализ наименований цвета привел к разработке лингвистических теорий, связанных с проблемами познания и восприятия, например, теория прототипов Э. Рош [Rosch, Olivier, 1972; Rosh-Heider, 1972], теория универсальности развития цветовых категорий Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969]. Экспериментальное исследование Э. Рош выявило роль памяти в определении фокусных и нефокусных областей цветового пространства. Фокусные цвета как наиболее яркие представители своей категории отличаются цветовой насыщенностью, легко запоминаются и лингвистически кодируются [Rosh-Heider, 1972; Rosch, Olivier, 1972].

Другие исследователи обратили внимание на влияние культурного фактора на дифференциацию базовых цветовых терминов. В восприятии цвета и определении базовых цветов Х. Цоллингер подчеркивал роль физиологических процессов человеческого организма и этнической культуры [Zollinger, 1988]. А. Вежбицкая акцентирует внимание на языковой концептуализации и воздействии культуры на образование различий в языковой концептуализации цвета [Wierzbicka, 1990].

На современном этапе изучение наименований цвета в русле когнитивной лингвистики является одним из популярных направлений (Т. А. Комова, В. Г. Кульпина и др.). В работах активно обсуждается теория Берлина – Кея, согласно которой в языках последовательно формируются от 2 до 11 базовых цветообозначений: белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый [Berlin, Kay, 1969. P. 2–3]. В свете этой теории проводятся экспериментальные исследования с использованием колориметрических систем В. Оствальда и А. Манселла. Интерпретация базовых цветов по системе Оствальда дана Е. Якобсоном, который описал принципы организации цвета и цветовой гармонии (основные цветовые ощущения, развитие оттенков, объединение цветов и т. д.) [Jacobson, 1948]. Проблема восприятия цвета в искусстве и науке на основе цветовой системы Манселла была освещена С. Кокрейн [Cochrane, 2014]. Система как стандарт имела зна-

чение в развитии науки о цвете и широко обсуждалась как психологами, так и физиками. В изучении цвета лингвисты часто обращаются к полевому методу Я. Дэвиса и Г. Корбетта, суть которого состоит в подборе наименований цветов для 65 цветных стимулов. Экспериментальным путем они установили 12 базовых цветов в русском языке, включая наименования голубого и синего цветов [Davies, Corbett, 1994]. Специфика колоративной лексики рассматривается на материале разных языков. На основе теории Берлина – Кея выявляют базовые цветообозначения, вводят уточнения, касающиеся в основном оттенков синего цвета. В некоторых языках обнаружено 12 базовых имен, включая наименование светло-голубого цвета в греческом языке и темно-синего – в турецком [Serakioti, 2015; Özgen, Davies, 1998]. Сопоставительное исследование цветообозначений в эстонском, финском, венгерском, русском и английском языках, проведенное М. Уускюла, установило лучшие образцы цвета по системе Оствальда, а также сходства и различия названий в указанных языках [Uusküla, 2006]. В настоящее время актуально изучение колоративов с использованием лингвистического корпуса и компьютерных технологий [Масевич, Захаров, 2019].

Названия белого и черного цветов считаются универсалиями, существующими во всех языках. В сербском и английском языках И. Влайкович и Д. Стаменкович выделили концептуальные метафоры, согласно которым с белым цветом ассоциируются добро, невинность, миролюбие, счастье, а с черным – грязь, несчастье, беспорядок, печаль, зло [Vlajković, Stamenković, 2013]. В языковом сознании европейцев семантика белого и черного цветов создает оппозицию «добро / зло», «чистота / грязь», «благопристойность / бесчестие». В США белый и черный цвета приобретают коннотацию, связанную с характеристикой расовых групп и социальных норм в отношениях между ними [Longshore, 1979]. В 1960–1970-х гг. в США активно обсуждали расовую проблему как социальный феномен. Например, журнал «Daedalus» (1967. Т. 96, № 2) опубликовал статьи К. Дж. Гергена о роли цвета кожи во взаимоотношениях людей, Р. К. А. Гардинера о влиянии цвета кожи и расы на международные отношения, Э. Р. Брейтуэйта о цветных мигрантах в Великобритании и др. Традиционная метафорика белого и черного цветов и в современном англоязычном медийном дискурсе имплицитно дополняет оценочное толкование, основанное на расовой оппозиции [Фефелов, 2017].

В данной статье проводится сопоставительный анализ семантики синонимичных обозначений белого цвета *уруҥ* и *манан* в якутском языке с целью выявления особенностей их развития. В связи с этим ставятся следующие задачи: проследить этимологию лексем, изучить лексическое значение по данным словарей и употребление слов в тексте, рассмотреть лексические параллели в других языках. Примеры для иллюстрации собраны из текста эпоса – олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур», записанного П. Ойунским, как одного из экземпляров, сохранивших архаические образцы словоупотребления.

Изучение цветообозначения 'белый' в тюркских языках

Подробный анализ семантики основных цветообозначений тюркских языков **ак**, **кара**, **көк**, **сарыҥ**, **кызыл** и **ала** проведен А. Н. Кононовым. Он установил широкое использование наименований цвета в этнонимике, топонимике, антропонимике, титулатуре и пространственном ориентировании. Автор отметил, что геосимволическое значение имен цвета, указанное в уйгурских письменных памятниках, сохраняется у азиатских кочевников: восток – синий / зеленый, запад – белый, юг – красный, север – черный [Кононов, 1978].

В тюркских языках выявлены два варианта обозначения белого цвета **aq** (**ак**, **ағ**, **а:к**) и **ürüñ**. А. Н. Кононов выделил следующие значения лексемы **ак**: 1) *белый*, 2) *чистый, незапятнанный, невинный, честный, правильный, прекрасный, роскошный, великолепный*, 3) *сивый* (масть лошади), 4) *белизна, белок* (глаза, яйца), 5) *бельмо*, 6) *молочные продукты*. В некоторых сочетаниях оно может реализовать значения *проточный, быстротекущий* [Кононов, 1978. С. 170]. Слово является компонентом онимов, социальной терминологии, назва-

ний фауны, флоры, пищи, продуктов и утвари. В «Древнетюркском словаре» приведены несколько значений слова **ürün**: 1) *белый, светлый*, 2) перен. *чистый, благородный*, 3) в знач. сущ. **tırqaq ürüñi** *белизна ногтей* (ДТС, 1969. С. 627); **jürün** *белый, светлый* (ДТС, 1969. С. 287). В целом лексические значения слов **aq** и **ürün** совпадают.

Тюркологи полагают, что наименования **aq** и **ürün** могут быть маркерами праязыковых изоглосс, разделяющих древние западные языки **aq** и древние восточные языки **ürün** [С-ИГТЯ, 2001. С. 600]. По сведениям Махмуда Кашгари, слово **aq** определяется как свойство речи огузов, а вариант **ürün** зафиксирован в памятнике уйгурской письменности «Кутадгу билиг», в орхонских и енисейских текстах, в древнеуйгурском, караханидско-уйгурском, среднеуйгурском, чагатайском языках, в киргизском только в сочетании **ürün-barañ**, в якутском языке **ürün** [С-ИГТЯ, 2001. С. 601]. Н. И. Широбокова заметила, что «только халаджский и якутский сохранили древнетюркское **yryn** 'белый' (як. үрүн, халадж. *HUrUN*)» [Широбокова, 2005. С. 34].

Результаты исследования семантики имени прилагательного **ак /ак / акъ** в современных тюркских языках показывают, что белый цвет ассоциируется с чем-то светлым, положительным и символизирует божественное начало, святость, непорочность, невинность в противоположность к черному цвету, который связан с негативными эмоциями (Р. Р. Закиров, З. Х. Файзуллина, Г. Х. Бухарова, С. З. Садыкова, К. Ж. Елибаева и др.).

Опираясь на материалы экспедиции А. Ф. Миддендорфа, В. И. Шерцль описал цветовую палитру якутского языка следующим образом: «Якутские песни воспевают не только зеленые и желтые, но и даже синие и серые листья, они же восхваляют зеленый, синий, красный и даже черный лед» [Шерцль, 1884. С. 24]. Якутские колоративы достаточно хорошо изучены в плане этимологии, семантики, словообразовательных возможностей и сочетаемости. Современные исследования направлены в основном на разработку этнокультурного, лингвокультурологического и сопоставительного аспектов. Установлено, что по происхождению наименования белого цвета **үрүн** и **манан** восходят к двум разным лексемам тюркского и монгольского языков. На заимствованный характер цветообозначения **маџан / манан** указал В. И. Рассадин [1980. С. 72]. Лексемы **үрүн** и **манан** имеют ряд различий в смысловом объеме, сочетаемости и стилистической окрашенности [Габышева, 2003]. Большинство работ подчеркивает сакральную роль белого цвета в якутской культуре. Колоративная лексика якутского языка активно изучается в сопоставлении с материалом русского языка на предмет определения степени влияния. Анализ текстов олонхо подтвердил сходство символического значения белого цвета с тюркскими аналогами как олицетворение счастья и благополучия, чистоты и благородства, честности и доброты, почета и высокого положения в обществе. Оппозиция белого и черного цветов используется для противопоставления главных героев и основных образов олонхо (Л. Л. Габышева, А. К. Башарина, М. В. Борисова). В материальной культуре якутского народа белая пища (**үрүн ас** молочные продукты) рассматривается как культуроносный центр, представляющий своеобразный пищевой культурный код [Николаева, 2016].

Результаты вышеуказанных работ по якутскому языку в целом коррелируют с выводами, полученными по другим тюркским языкам, о семантике и символическом значении обозначений белого цвета.

Лексическое значение имен прилагательных **үрүн и **манан** по данным словарей**

В современном якутском языке существуют два основных обозначения белого цвета: **үрүн** [ürün] и **манан / маџан** [maɳan / maʃan]. Реже встречается слово **чаџаан** [chaʃaɳ], ср. монг. цагаан *белый; белизна* (БАМРС, 2001. Т. 4. С. 243–244).

В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарский представил обозначения белого цвета **үрүн** и **манган / мабан** с этимологической справкой и подробным указанием контекста употребления.

Үрүн (Үрүн) тюрк. *өрүн светлый*; 1) *белый* противопол. хара; *белизна, молочные продукты, масло, белок; белой* (написанный набело), *беловик*; 2) *белый, светлый, чистый*. Имя **үрүн** используется при образовании сложных слов, обозначающих следующие категории понятий: а) *люди, их качества үрүн бытыктаах белобрадый*; в сказках, былинах имена героев, например, *Үрүн Уолан*; б) *млекопитающие животные үрүн сиэллээх белогривый*; в) *птицы үрүн чыычаах*; г) *рыбы үрүн балык очень мелкая рыба*; д) *растения үрүн былах (талах) белый тальник*; е) *минералы үрүн алтан, буор, көмүс*; ж) *пища, продукты, изделия үрүн арыы, үрүн ас*; з) *названия местностей Үрүн күөл, Үрүн хайа* (Пекарский, 1959. Стб. 3178–3180). Таким образом, имя прилагательное **үрүн** обладает следующими основными семантическими признаками: ‘белый’, ‘светлый’, ‘чистый’. Дополнительно функционирует как имя существительное в значении ‘молочные продукты’. Слово образует парное сочетание **үрүн манган** и является источником сложных слов. Форма интенсификации основана на частичной редупликации **үп-үрүн пребелый**.

Э. К. Пекарский дает два варианта слова **манган / мабан** и посвящает две отдельные статьи: **манган** (манган) от мангай + н, ср. мангаас, койб. *маҕап буланый (о лошади)* = мабан 1) *белый, белехонький, белесоватый (лошадь, волос, облако, дом)* и т. д., но не корова; *сивый (о коне)*; мунаа-манган *светлый, белый (об одежде, лице)*, арабас-манган *изкрасна-белый*, муус манган *ледовато-белый*; 2) часть имени (Пекарский, 1959. Стб. 1523); сиб. русск. *маганный белокурый*; **мабан** 1) *белый (лошадь, облако, птица, небо, день)* мабан бие *белая кобыла*; мабан кыталык кыыл *белый стерх*; арабас мабан *желто-белый, изкрасна-белый (небо, березка)*; үүт мабан ат *бело-молочная лошадь*; 2) *белизна (лица)*; *белая масть конного скота*; 3) *название урочища* (Пекарский, 1959. Стб. 1499). В словарных статьях доминирует семантический признак, связанный с коневодством. В современном якутском языке вариант **манган** определен как орфографическая норма: **манган** прил. *белый (цвета снега)* (БТСЯЯ, 2009. Т. 6. С. 224), **манхай** глаг. *белеть, сидеть, становиться седым, белым (о волосах)* (БТСЯЯ, 2009. Т. 6. С. 228). По сути, **манган** и **мабан** являются разными способами произношения одной и той же лексемы, обозначающей белую масть животных, а именно лошадей. В сочетании с другими атрибутами она используется при передаче разных оттенков белого цвета. Форма интенсификации образуется при помощи частичной редупликации **мап-мабан**.

Лексические параллели якутского слова **манган / мабан** обнаруживаются в монгольском, хакасском и тувинском языках. В монгольском языке имя прилагательное обозначает белую отметину на лбу животного, а также цветовое проявление явлений природы и неба: сущ. **манхан** 1) *со звездочкой на лбу*, манхан *үхэр белоголовая корова*, манхан цагаан *морь лошадь с белой звездой на лбу*; 2) перен. *снежный, белый*; хөх манхан *тэнгэр голубое небо* (БАМРС, 2001. Т. 2. С. 327). Производный глагол реализует признаки ‘светлый, высокий, открытый и большой’: глаг. **манхайх** 1) *быть светлым, белесым, светлеть, белеть*; 2) *быть высоким, открытым (о лбе)*; *быть большим* (БАМРС, 2001. Т. 2. С. 322). В хакасском языке основное значение ‘белый’ относится к масти лошади и коровы: хак. **манган** 1) *белой масти (о лошади)*; ах манган ат *лошадь снежно-белой масти*, 2) *с белым пятном на лбу (о лошади и корове)* (ХРС, 2006. С. 233). Тувинское имя прилагательное акцентирует чистоту и яркость белого цвета: **манган** *белый-пребелый, совершенно белый*; маңган ак *белым-бело* (ТРС). В якутском, хакасском и тувинском языках актуализируется признак белизны, а значение ‘со звездочкой на лбу’ отходит на второй план. В отличие от якутского, в хакасском и тувинском языках обнаруживаются следы параллельного употребления формы **ак**, которая способствует передаче интенсивности цвета.

Ближние варианты существуют в тунгусо-маньчжурских языках: маньч. **манкара** *белоногая или белорылая лошадь или собака, у которой белая, широкая лысина во все рыло – начи-*

ная от темени, около глаз и до рта (Захаров, 1875. С. 865). Слово обозначает особенности головной части животного, как и в монгольском языке. В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» приведены параллели из монгольского и якутского языков: **маңкār** *плешиный*, эвенк. **маңкār** [*мо.*] (**маңан** [*як.*] **маңас** [*як.*] 1) *плешиный*; 2) *фольк. олень верховой крылатый*; 3) *беломордый (олень с белой полосой на морде)*; маньч. **маңкара** [*мо.*] *белоносый, белорылый (о лошади или собаке с белой широкой лысиной на морде)*; п.-мо. **mangxar** *со звездочкой на лбу (о лошади)*, монг. **манхан** *со звездочкой на лбу (о лошади)*, як. **маңан** *белый, сивый (о коне)*; **маңас** *беломордый*; **маңхабар** *белый, седой* (ССТ-МЯ, 1975).

Из сказанного следует, что цветообозначение **үрүн** имеет тюркское происхождение, а **маңан** / **маған** заимствовано якутским языком из монгольского, а также видна связь основы с тунгусо-маньчжурскими языками. Слово **маңан** / **маған** связывает якутский язык не только с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, но и с южносибирскими языками, хакасским и тувинским. Как показывает материал, оно является общим признаком лексики цветообозначения сибирских тюркских языков. Ранние исследования подтверждают, что из тюркских языков более сильному влиянию монгольского языка подверглись тувинский, хакасский и якутский [Мусаев, 1984. С. 9]. Однако не исключается и тунгусо-маньчжурское влияние. Слово распространено и в сибирских русских говорах. Н. И. Широкова выделила якутско-сибирские изоглоссы, основной чертой которых явилось отсутствие общетюркских элементов [2005. С. 77].

Употребление наименований цвета **үрүн** и **маған** в тексте

Лексема ‘үрүн’. Имя прилагательное **үрүн** является источником образования сложных номинативных единиц: **үрүн көмүс** *серебро* (*көмүс золото, серебро*); **үрүн туой** *белая глина* (*туой глина*). Имена существительные с собирательным значением употребляются в высоком стиле: **үрүн илгэ** / **үрүн тунах** *молоко, молочные продукты* (*илгэ белая божественная жидкость, белое божье молоко* (Пекарский, 1959. Стб. 918); *тунах пир, пиршество, кропление земли кумысом* (Пекарский, 1959. Стб. 2815)). Парное сочетание антонимических компонентов **үрүн-хара** передает значение множественности (табунов лошадей, лесных зверей): **Үрүэм түгэхтэриттэн / үрүн-хара сүүрүкпүттэн / үүрэн ағалаайамый?!** (ДНБ, 2003. С. 98). *Не пригнать ли мне из дальних моих ручьев часть моих белых и черных скакунов?!* Охотники обращаются к хозяину леса Байаная со следующими словами: **Үксэ-дьүүлэ биллибэт / үрүн-хара түүлээххиттэн... күйэ көтөн кулу** (ДНБ, 2003. С. 97). *От бесконечного множества белой и черной пушины... попридержи для меня...*

Сакральное свойство цветообозначения связано с поклонением солнцу, следы которого сохранились в современном языке; белое солнце **үрүн күн** является символом жизни. Слово-сочетание часто встречается в составе фразеологизмов: **үрүн күнэ өлбөөдүйдэ** (ДНБ, 2003. С. 33) *пришла пора умирать*, досл. *померкло его белое солнце*, **үрүн күнү көрдөрбөккө** (ДНБ, 2003. С. 87) *держат кого-л. взаперти*, досл. *не показывая белого солнца*. Признак ‘жизнь’ актуализируется при сочетании с именем существительным **тыын** *дыхание*, **үрүн тыын**, досл. *белое дыхание*: **Үрүн тыыммын иһиллээри...** (ДНБ, 2003. С. 110). *Чтобы убить меня...* досл. *чтобы прислушиваться к моему белому дыханию...* Лексема **үрүн чыычаах** *белая птичка* (*чыычаах птичка*) является компонентом устойчивого словосочетания – пожелания благополучия: **Үрүт өттүгүнэн үрүн чыычаах көппөтүн...** (ДНБ, 2003. С. 105). *Пусть над тобой не пролетает белая птичка...* Белый цвет является обязательным атрибутом верховного божества древних якутов – Белого святого старца: **Үрүн Аар** (Айыы) *тойон оҕонньор* (ДНБ, 2003. С. 79). Этимологически слова **аар** и **айыы** восходят к древнетюркскому языку: **arīx** 1) *чистый, незагрязненный; чисто*; 2) *перен. нравственно безупречный, благородный, порядочный, непорочный*; 3) *рел. чистый, истинный, неложный, праведный, священный*

ный, святой; 4) рел. чистый, дозволенный (о пище) (ДТС, 1969. С. 52), **аҕах** благоговение, почитание, почести (ДТС, 1969. С. 26).

Лексема ‘манган / маҕан’. В олонхо используются оба варианта слова, но по частотности в тексте доминирует **маҕан**. Основное значение лексемы **маҕан / манган** ‘белый, светлый’ реализуется в описании масти коня и цвета кожи человека. Каждый герой олонхо ассоциируется в культурном сознании с конем определенной масти, светлая масть лошади является характеристикой положительного персонажа: **Үрүмэччи маҕан** аттаах Үрүн Уолан обургун (ДНБ, 2003. С. 221). *Владеющий мотыльково-белым конем Юрюнг Уолан удалой.* Благородные божества Айыы белокожие и седовласые: [Аан Алахчын, **Манган** Манхалыын] Байбара маҕан санныгар / бэдэр бэрдэ сабынньаҕын / ... кэттэ кэппитинэн кэлбит (ДНБ, 2003. С. 23–24). [Госпожа Аан Алахчын, **Манган** Манхалыын] она пришла, накиннув на пышные белые плечи шубу из отборного меха рыси.

Сочетания с другими лексемами передают различные оттенки белого цвета, например, **араҕас манган** желто-белый, **үүт маҕан** молочно-белый, **сандаал маҕан** лучезарно-белый (Пекарский, 1959. Стб. 2076), **толомон маҕан** лучший, превосходный белый (Пекарский, 1959. Стб. 2715), **туналы маҕан** белый-белый (БТСЯЯ, 2014. Т. 11. С. 114), **ярко-белый, кылбаран маҕан** ослепительно белый (БТСЯЯ, 2008. Т. 5. С. 228), **хаар маҕан** белоснежный. Лексема **маҕан** снабжается дополнительными эпитетами, которые служат показателями интенсивности, яркости солнечного света: Сайынны **сандаа маҕан күнүм**... кыһынны **кылбаа маҕан күнүм** (ДНБ, 2003. С. 37). *Летнее сияющее белое солнце мое... зимнее чисто белое солнце мое.* Белизна снега ассоциируется с сединой: **кырымахтаах кылбаран маҕан хаарга**... (ДНБ, 2003. С. 20). *На белом снегу с ослепительно-белой проседью.*

Небо как один из ключевых эпических объектов играет роль фона происходящих событий: **араҕас манган халлаан** желто-белое небо, **үүт манган халлаан** молочно-белое небо, **сандаал маҕан халлаан** лучезарно-белое небо. Небо выступает в качестве главного пространственного ориентира: ...**маҕан халлаан** / дьураатыгар тура төрүөбүт / дьулусхан субуйа сүүрүк / дьураа хара аттаах / Дьулуруйар Ньургун Боотур (ДНБ, 2003. С. 56). *Стремительный Ньургун Боотур, / стоя рожденный, / на грани белых небес, / владеющий скачущим вперед без усталости вороным конем.*

Эпитеты **толомон, туналы** в сочетании с именами существительными, обозначающими ландшафт, способствуют актуализации признака ‘широкий, просторный’: Кыладыкы эбэ хотунна... / Дьоллоох **туналы маҕан ньуурун** / тобуктарын ортотугар диэри / тоҕо кэһэллэр эбит (ДНБ, 2003. С. 68). *Говорят, они топчут до середины колена счастливое ярко-белое лоно долины Кыладыкы.* Благородные богатыри следуют по белому пути, т. е. открытому и благословенному: Тоҕус тоҕойдоох / **толомон маҕан суолу** тобуланнар (ДНБ, 2003. С. 88). *Проторив превосходную белую дорогу с девятью буграми.* Ассоциация белого цвета с везением в дороге обнаруживается как в тюркских, так и в монгольских языках, например, в татарском языке *ак юл телэу* ‘пожелать белого пути’ [Закиров, 2003], в калмыцком языке *цаһан хаалһ* ‘счастливый путь’ досл. ‘белый путь’ [Джушхинова, 2013].

Заключение

Исследования показывают близость символики белого и черного цветов в европейской и тюркской культурах, однако тюркская символика не имеет расовой / расистской нагрузки. В якутском языке обозначения белого цвета **үрүн** и **манган / маҕан** этимологически восходят к разным языкам, **үрүн** – к древним восточно-тюркским языкам памятников уйгурской, орхонской и енисейской письменности, а имя **манган** заимствовано из монгольского языка. По сравнению с **үрүн** цветообозначение **манган** является инновацией, имеет параллели в хакасском, тувинском языках, а также обнаруживает связи с тунгусо-маньчжурскими язы-

ками. В системе цветообозначений лексема **манган** может представлять собой один из общих элементов сибирских тюркских языков, возникших под влиянием монгольского языка.

В якутском языке имя прилагательное **үрүн** сохраняет свою древнюю форму – как внешнюю, так и внутреннюю, также может принимать на себя функции имени существительного. Лексическое значение лексемы совпадает со значением общетюркского имени **ак**. В культуре белый цвет является неизменным атрибутом солнца; в тексте слово **үрүн** выполняет функцию постоянного эпитета слова **күн** *солнце (үрүн күн)* и является компонентом имен божеств Айыы, что свидетельствует о его сакральной природе. Имя **үрүн** обладает большим слово- и фразеобразовательным потенциалом, образует сложные слова, парные слова и фразеологизмы. Парное словосочетание **үрүн-хара** *белый и черный* передает значение множественности по отношению к животным. В составе фразеологизмов в сочетании с компонентами **күн** и **тыын** актуализирует значение ‘жизнь’. Лексема в целом имеет фиксированную дистрибуцию и сохраняет устойчивость семантической структуры.

В речи имя прилагательное **манган** / **мабан** используется в двух произносительных вариантах. Как показывают словарные данные, слово изначально было связано с культурой коневодства, что позволяет предположить его заимствование из монгольского языка. Из монгольского языка в якутский вошло не только имя прилагательное, но и глагол. При этом обнаруживается совпадение планов выражения и содержания слов. В семантике имени прилагательного произошло незначительное преобразование; в отличие от монгольского в якутском языке актуализируется значение ‘белый’, а значение ‘со звездочкой на лбу’ отходит на второй план. Под влиянием слова **үрүн** расширилась область употребления имени **манган**, в некоторых случаях оно выступает как абсолютный синоним, например, в качестве эпитета к слову **күн**. В якутском языке как и в монгольском, сохраняется функция эпитета к слову **халлаан** (*манган халлаан*), в то время как исключено сочетание данного слова с **үрүн**. В сочетании с другими именами прилагательными и существительными **манган** образует сложные колоративы, передающие различные оттенки белого цвета, а также его насыщенность и яркость. В развитии семантики имени прилагательного и глагола якутского языка очевидно влияние значения монгольского глагола. Со словами, обозначающими особенности ландшафта, лексема реализует признак ‘широкий, просторный (о полях, лугах)’, ‘открытый, благословенный (о дороге и небе)’.

Два цветообозначения разного происхождения **үрүн** и **манган** являются свидетельством истории развития якутского языка и языковых контактов. Развиваясь каждое своим путем и в то же время взаимодействуя, имена составляют ряд идеографических синонимов, дополняющих друг друга.

Список литературы

- Габышева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира: на материале языка и культуры якутов. Москва: Изд-во РГГУ, 2003. 192 с.
- Джушхинова К. А. «Белая дорога» как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 48–52.
- Закиров Р. Р. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в английском, русском и татарском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 24 с.
- Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник – 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179.
- Масевич А. Ц., Захаров В. П. Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 21–48.
- Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков / Отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1984. 225 с.

- Николаева Т. Н.** Пища «белая» и «черная» в якутской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7. С. 151–152.
- Рассадин В. И.** Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.
- С-ИГТЯ** – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Фефелов А. Ф.** Типы реализации переносной семантики цветообозначений black / white в мейнстримных СМИ США // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 4. С. 52–67.
- Шерцль В. И.** Названия цветов и символическое значение их. Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1884. 70 с. URL: <https://dlib.rsl.ru>
- Широбокова Н. И.** Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.
- Berlin, V., Kay, P.** Basic Colour Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, University of California Press, 1969, 200 p.
- Cochrane, S.** The Munsell Color System: A scientific compromise from the world of art. *Studies in History and Philosophy of Science*, 2014, vol. 47, p. 26–41.
- Davies, I., Corbett, G.** The basic colour terms of Russian. *Linguistics*, 1994, vol. 32, no. 1, p. 65–89.
- Jacobson, E. G.** Basic Color: An Interpretation of the Ostwald Color System. Chicago, P. Theobald, 1948, 207 p.
- Longshore, D.** Color Connotations and Racial Attitudes. *Journal of Black Studies*, 1979, vol. 10, no. 2, p. 183–197.
- Özgen, E., Davies, I. R.** Turkish color terms: Test of Berlin and Kay's theory of colour universals and linguistic relativity. *Linguistics*, 1998, no. 36, p. 919–956.
- Rosch, E., Olivier, D. C.** The structure of the colour space in naming and memory for two languages. *Cognitive Psychology Journal*, 1972, vol. 3, p. 337–354.
- Rosch-Heider, E.** Universals in colour naming and memory. *Journal of Experimental Psychology: General*, 1972, vol. 93, p. 10–20.
- Serakioti, D.** An empirical approach to the basic colour terms in modern Greek // Научный результат: сетевой научно-практический журнал. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. Т. 3. С. 18–26.
- Uusküla, M.** Distribution of colour terms in Ostwald's colour space in Estonian, Finnish, Hungarian, Russian and English. *Trames*, 2006, vol. 10, no. 2, p. 152–168.
- Vlajković, I., Stamenković, D.** Metaphorical extensions of the colour terms *BLACK* and *WHITE* in English and Serbian. In: Zbronic radova [Elektronsk izvor] Šesti međunarodni interdisciplinarni simpozijum «Suskret kultura». Novi Sad, Filozofski fakultet, 2013, s. 547–558.
- Wierzbicka, Anna.** The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics*, 1990, vol. 1 (1), p. 99–150.
- Zollinger, H.** Categorical color perception: Influence of cultural factors on the differentiation of primary and derived basic color terms in color naming by Japanese children. *Vision Research*, 1988, no. 28, p. 1379–1382.

Список источников

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Академия, 2001. Т. 2. 536 с.; Т. 4. 532 с.

- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. / Под ред. П. С. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 5. 616 с.; 2009. Т. 6. 519 с.; 2014. Т. 11. 528 с.
- ДНБ – Дьулуруйар Ньургун Боотур: Олонхо / АН РС (Я) Институт гуманитарных исследований. Якутск, 2003. 544 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М., Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 715 с.
- Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1875. 1129 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. Л.: АН СССР, 1959. Вып. 1–13.
- ССТ-МЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. 470 с.
- ТРС – Тувинско-русский словарь. URL: <http://www.classes.ru/all-tuva/dictionary-tuva-russian-term-7503.htm>
- ХРС – Хакаско-русский словарь = Хакас орыс сөстiк / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References

- Berlin, B., Kay, P. Basic Colour Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, University of Kalifornia Press, 1969, 200 p.
- Cochrane, S. The Munsell Color System: A scientific compromise from the world of art. *Studies in History and Philosophy of Science*, 2014, vol. 47, p. 26–41.
- Comparative historical Grammar of Turkic languages. Lexicology. E. R. Tenishev (ed.). Moscow, Nauka, 2002, 767 p. (in Russ.)
- Davies, I., Corbett, G. The basic colour terms of Russian. *Linguistics*, 1994, vol. 32, no. 1, p. 65–89.
- Fefelov, A. F. Semantic Patterns of Interpreting the Symbolic Meanings of Color Terms black / white in some US Mainstream Media. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 4, p. 52–67. (in Russ.)
- Gabysheva, L. L. A Word in the Context of Mythopoetic Image of the World (a case study of the Language and Culture of the Yakuts). Moscow, Russian State University for Humanities Press, 2003, 192 p. (in Russ.)
- Guchinova, K. A. “The White Road” as a case-sign of the Kalmyk Linguistic Culture. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies RAS*, 2013, no. 2, p. 48–52. (in Russ.)
- Jacobson, E. G. Basic Color: An Interpretation of the Ostwald Color System. Chicago, P. Theobald, 1948, 207 p.
- Kononov, A. N. Semantics of Colour Terms in Turkic Languages. In: *Turcologica-1975*. Moscow, Nauka, 1978, p. 159–179. (in Russ.)
- Longshore, D. Color Connotations and Racial Attitudes. *Journal of Black Studies*, 1979, vol. 10, no. 2, p. 183–197.
- Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P. Frequency Behavior of Color Adjectives in Russian Poetic Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 21–48. (in Russ.)
- Musaev, K. M. Lexicology of Turkic languages. Ed. by A. A. Yuldashev. Moscow, Nauka, 1984. 225 p. (in Russ.)
- Nikolaeva, T. N. “White” and “black” Food in the Yakut Linguoculture. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 7, p. 151–152. (in Russ.)
- Özgen, E., Davies, I. R. Turkish color terms: Test of Berlin and Kay’s theory of colour universals and linguistic relativity. *Linguistics*, 1998, no. 36, p. 919–956.

- Rassadin, V. I.** Mongolian-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages. Moscow, Nauka, 1980, 115 p. (in Russ.)
- Rosch, E., Olivier, D. C.** The structure of the colour space in naming and memory for two languages. *Cognitive Psychology Journal*, 1972, vol. 3, p. 337–354.
- Rosch-Heider, E.** Universals in colour naming and memory. *Journal of Experimental Psychology: General*, 1972, vol. 93, p. 10–20.
- Serakioti, D.** An empirical approach to the basic colour terms in modern Greek. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2015, vol. 3, p. 18–26.
- Šercl, V. I.** Names of colors and their symbolic meaning. Voronezh, V. I. Isaev Printing House, 1884, 70 p. (in Russ.)
- Shirobokova, N. I.** Yakut language attitude to Turkic languages of Southern Siberia. Novosibirsk, Nauka, 2005, 268 p. (in Russ.)
- Uusküla, M.** Distribution of colour terms in Ostwald's colour space in Estonian, Finnish, Hungarian, Russian and English. *Trames*, 2006, vol. 10, no. 2, p. 152–168.
- Vlajković, I., Stamenković, D.** Metaphorical extensions of the colour terms *BLACK* and *WHITE* in English and Serbian. In: Zbronic radova [Elektronski izvor] Šesti međunarodni interdisciplinarni simpozijum «Susret kultura». Novi Sad: Filozofski fakultet, 2013, s. 547–558.
- Wierzbicka, Anna.** The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics*, 1990, vol. 1 (1), p. 99–150.
- Zakirov R. R.** Frazeologicheskie edinitsey s komponentom tsvetootoboznacheniya v angliiskom, ruskom i tatarskom yazykakh. Cand. Philol. Sci. Diss. Kazan, 2003, 24 p. (in Russ.)
- Zollinger, H.** Categorical color perception: Influence of cultural factors on the differentiation of primary and derived basic color terms in color naming by Japanese children. *Vision Research*, 1988, no. 28, p. 1379–1382.

List of Sources

- Ancient Turkic Dictionary. Eds. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. V. Scherbak. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (in Russ.)
- Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus languages: Materials for Etymological Dictionary / Ed. by V. I. Tsintsius. Leningrad, Nauka, 1975, 470 p. (in Russ.)
- Khakass-Russian dictionary. Ed. by O. V. Subrakova. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Russ.)
- Niurgun Bootur the Swift: Olonkho / Academy of Science Republic of Sakha (Yakutia), Institute of Humanitarian Studies. Yakutsk, 2003, 544 p. (in Yak.)
- Pekarsky, E. K.** The Dictionary of the Yakut Language. In 3 vols. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1959, iss. 1–13. (in Russ.)
- The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Eds. A. Luvsandendev, Ts. Tseden-damba, G. Pyurbeev. Moscow, Academia Publ., 2001, vol. 2, 536 p.; vol. 4, 532 p. (in Russ.)
- The Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language. In 15 vols. Ed. by P. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka, 2008, vol. 5, 616 p.; 2009, vol. 6, 519 p.; 2014, vol. 11, 528 p. (in Russ.)
- Tuvan-Russian Dictionary. URL: <http://www.classes.ru/all-tuva/dictionary-tuva-russian-term-7503.htm> (in Russ.)
- Zakharov I.** A Complete Manchu-Russian Dictionary. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1875, 1129 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
06.11.2019

Сведения об авторе / Information about Author

Афанасьева Евдокия Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского 1, Якутск, 1677007, Республика Саха (Якутия), Россия)

Evdokiia N. Afanaseva, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch (1 Petrovsky Str., Yakutsk, 1677007, Sakha Republic (Yakutia), Russian Federation)

lukow@mail.ru

ORCID 0000-0002-4373-9441